КРОКОДИЛ

КАФЕ "Русская сказка" МЕНЮ

— Какую еще жалобную книгу? Не было их в старину, и мы не держим!

Рисунок
Г. АНДРИАНОВА

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
специальный
корреспондент
Крокодила

КУДА ЕДЕТ ТЕЛЕГА

— Где тут СМУ-5? Ему строевой лес прислали!

Рисунок В. ШКАРБАНА

«Больших людей надо видеть издалека»,— так сказал А. Култасов, прокурор Бугунского района, Чимкентской области. Он стоял на крыльце, постигая жизнь, и увидел, что А. Смалейчук, главный зоотехник совхоза «Буржарский», проходя мимо, никак не реагирует на присутствие прокурора. И прокурор окликнул зоотехника:

— Аман жан, Смалейчук. А где твой «салам»?

— О, простите, Абике! — спохватился тот.— Я вас, признаться, не заметил.

И вот тут А. Култасов сказал то, что приведено нами выше и взято в кавычки. И добавил:

— Ну, ну, иди, Смалейчук. А я все-таки научу тебя замечать прокуроров.

И вскоре представился А. Култасову случай научить Смалейчука почтению и уважению. Прокурор услышал такую весть:

— Ярки совхоза «Буржарский» народили около пятисот ягнят. А Смалейчук приписал этих ягнят в отчет. Вместе с законными ягнятами.

Сейчас мы поясним, почему это было возведено в криминал.

Ягненок от ярки — дитя преждевременное. Ярка — несовершеннолетняя мать. Рано ей иметь ягненка. И потому такое материнство не поощряется. Но разве за каждой юницей уследишь? Понравится ей баран — и она очертя голову выходит замуж. В результате — ягнятко. Ни в чем не повинное. Может быть, только чуть меньше весом и более щупленькое. Но вполне жизнеспособное.

Учтя все это, ЦСУ постановило: в отчетах показывать всех ягнят — и от ярок и от взрослых матерей — маток. Словом, делать так, как в данном случае поступил Смалейчук.

Но в Чимкентской области завели свой порядок: ягнят от ярок в отчет не включать. Как будто бы их и нет совсем. Для чабанов с жуликоватыми наклонностями (а они, к сожалению, еще есть) такой порядок очень выгоден и удобен. Такой чабан отделяет от отары самого жирненького и резвого барашка и со словами «катта рахмат» (большое мерси) облсельхозуправлению использует его по своему усмотрению. То ли в плов. То ли на шашлык. То ли на продажу, а деньги в карман. А вместо жирненького ставит в отару тощенького, неучтенного сына ярки.

Руководствуясь этим удобным порядком, прокурор Култасов узрел в действиях Смалейчука намек на очковтирательство. Как же! Приписывать ягнят, рожденных ярками, к остальным! Да это же попытка показать высокий приплод!

И возбудил дело.

Районные законники отвесили «очковтирателю» ровно три года с отбыванием. Областные инстанции скостили срок до двух лет. А начальник облсельхозуправления Т. Назарбеков, естественно, уволил «уголовника» с работы. И при этом сказал:

— Куда идут передние колеса телеги, туда идут и задние.

Под передними колесами он разумел органы юстиции, а под задними — свое ведомство.

Таким образом, преступная попытка включить в отчет ярочных ягнят была пресечена.

Как вдруг — кто бы мог ожидать! — за Смалейчука вступилось ЦСУ Казахстана.

Отметив, что никаких приписок Смалейчук не совершал, что поступал он совершенно законно и правильно, ЦСУ потребовало от Казахского министерства сельского хозяйства запретить чимкентский метод ведения отчетности как самодеятельность незаконную и вредную, а авторов этого метода привлечь к строжайшей ответственности.

В Чимкентском облсельхозуправлении запахло грозой. Ведь что получилось в результате? Верховный суд республики полностью реабилитировал «преступника». А в виновниках оказались «истцы».

Но ничего. Все обошлось благополучно. Правда, Казминсельхоз самодеятельность прекратил. Но найти и наказать авторов ее поленился.

По логике при таком обороте дела прокурор Култасов должен был вручить Смалейчуку букет нарциссов с извинениями, а глава сельхозуправления Назарбеков — тоже с извинениями — восстановить его в прежней должности.

Ничего подобного не случилось. Назарбеков обиделся и начал искать выход из создавшегося положения. Выход он нашел, изменив формулировку приказа об увольнении. Теперь в ней значилось: "За развал...", "За необеспечение..." и т. д. Хотя факты и результаты проверок комиссий убеждали в обратном.

Но мало ли что. На место Смалейчука уже переведен из соседнего района директор совхоза О. Усипбеков, для которого это было весьма кстати: местная прокуратура как раз в это время закругляла уголовное дело, из которого явствовало, что только благодаря беспечности О. Усипбекова жулики умыкнули около ста тысяч совхозных рублей.

Но Тулепбека Назарбекова это ничуть не смутило.

Когда слух о расправе над Смалейчуком докатился до Алма-Аты, сатирический журнал «Шмель», проверив факты, опубликовал фельетон «Как ягнята зоотехника съели».

Т. Назарбеков и другие официальные лица областного масштаба собрались на совещание, где установили, что фельетон правилен и опровергнуть его невозможно.

Тогда прибегли к давно скомпрометированному методу реакции на критику: покопались в давнем прошлом Смалейчука, откопали разные мелкие промахи и сообщили в «Шмель».

— Пусть так! — согласились сатирики.— Пусть даже когда-то Смалейчук был наказан за стрельбу из рогатки. Пусть имел замечание за проезд на буфере трамвая. Пусть подрался с соседом по парте. Но как же фельетон? Какие меры приняты?

Ответа не было. Потому что с героями фельетона все было хорошо: они благополучно покинули пределы района.

Что же касается Смалейчука, то ему отвели должность рядового зоотехника в том же совхозе.

Вот как может обернуться дело, если вовремя не заметить стоящего на крыльце большого человека и не сказать ему почтительного «салам»!

Чимкентская область.

Г. ДРОБИЗ

Дайте прогноз!

Все-таки сатирики и фельетонисты постоянно отстают от жизни. Происходит это оттого, что они чересчур увлекаются каким-нибудь отрицательным явлением и пропускают момент, когда это явление отмирает. Так, однажды из продажи исчезли мужские носки. Сатирики начали дружно высмеивать эту в общем-то трагическую для мужчин ситуацию. Они так увлеклись, что не заметили, как полки галантерейных магазинов вновь начали ломиться от носков. Они все еще шутили по этому поводу, когда носки уже прикладывали в нагрузку к другим товарам. Они острили уже тогда, когда ни одного мужчину не волновала проблема носков. Потому что к этому времени из продажи исчез другой, не менее важный предмет — безопасные лезвия. И когда сатирики, спохватившись, начали шутить над несчастными небритыми мужчинами, оказалось, что эти мужчины давно уже чисто выбриты и стоят в очереди за внезапно превратившейся в дефицит селедкой. Сатирики ухватились за селедку, но жизнь шагала вперед: в магазинах не стало махровых полотенец. Сатирики с большим опозданием поняли свою оплошность. Фельетоны о полотенцах появились как раз в то самое время, когда исчезли спички. Полгода сатирики острили по поводу спичек, которые между тем появились в продаже на третий день. Просто, оказалось, вагон спичек, предназначенный для нашего города, по случайным обстоятельствам проехал мимо, в Тюмень.

Отставание сатириков от графика наблюдается и по сей день. Это подрывает авторитет сатирической литературы, а потому не может оставить меня безучастным. Мне хотелось бы защитить сатириков перед читателями и твердо заявить, что не так уж они виноваты. Ведь они не могут предусмотреть, что их ждет завтра. Они идут по следам событий.

В связи с этим мне хочется обратиться ко всем работникам снабжения. Уважаемые товарищи снабженцы! В наше время научное прогнозирование достигло небывалых масштабов. Кроме традиционных сводок погоды, существуют наметки развития индустрии, роста народонаселения, изменений в моде и тому подобные прогнозы. Не могли бы и вы учесть свою нерасторопность, рассеянность, несогласованность в действиях и прочие черты, органически присущие вашей деятельности, не могли бы вы, учтя все это, составить специально для сатириков прогноз на ближайшее будущее? Представьте, какими острыми и злободневными стали бы наши фельетоны, знай мы заранее, что, к примеру, в ближайший месяц вы планируете исчезновение ремешков к часам, что в следующем месяце в продаже не будет вишневого варенья, а еще в следующем — детских кубиков и эмалированных тазов? Вот тогда бы сатирики шагали в ногу со временем и даже иногда обгоняли бы его, как это и подобает настоящим писателям.

г. Свердловск

Надежда ЧЕРЕПАНОВА

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

Уж лучше бы он сердце мне разбил —
Живут ведь и с разбитым сердцем люди...
Сказал бы, что другую полюбил,
Меня же, соответственно, не любит.

Что делать — знала б я наверняка.
Могла бы тоже полюбить другого.
Но нет, его жестокая рука
Коснулась невозвратно-дорогого.

Непоправимый нанесен урон:
Не купишь, не добудешь, не восполнишь,
Лишь о былом, вздыхая горько, вспомнишь...
Разбил последнюю тарелку он!

ОТЛЕГЛО...

Ах, была оскорблена
Продавщица не на
шутку:
Носит шубку не она,
А другая носит шубку!
Ей не дали,
продавщице!
Вот какой порядок
тут —

Дефицитные вещицы
К покупателю плывут!

Наконец-то разглядела.
Отлегло от сердца
сразу:
Шубку модную надела
Дочь заведующей
базой.

НЕДОКОМПЛЕКТ

Какой мы книжный шкафчик отхватили!
Ну да, помог опять, конечно, зять.
Теперь (супруги сразу загрустили) —
Теперь придется книги покупать.

Чебоксары

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ КРОКОДИЛА

Как избежать потери веса при доставке скота на мясокомбинат.

Рисунок
А. КАНЕВСКОГО

З. ЮРЬЕВ

СЦЕНКИ ИЗ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

Комиссия по расследованию злоупотреблений в нью-йоркской полиции после годичной работы пришла к выводу, что взяточничество и даже преступность среди полицейских скорее правило, чем исключение. Глава комиссии адвокат Уитмэн Нэп особенно подчеркивает тот факт, что многие полицейские сами торгуют наркотиками.

(Американский журнал «Ньюсуик»)

1

Патрульный полицейский Патрик Донован быстро поднимался по лестнице. Строго говоря, он даже не поднимался, а летел, ибо внутри у него все пело, за спиной выросли крылья, и они упруго несли его вверх, к сияющей вершине, туда, где восседал сам капитан Конолли. Подумать только, всего три дня на новом месте, а его уже вызывает начальник полицейского участка! Сейчас он встанет из-за стола, огромный и невозмутимый, как скала, взглянет на него, Патрика Донована, и начальственные его глаза потеплеют. «Молодец, Донован, — скажет он, — руку! Всего три дня у нас, а уже выследил и задержал торговца наркотиками»...

Донован в последний раз хлопнул крыльями и затормозил перед дверью начальника. Господи, до чего трудно удержать губы, когда они так и загибаются кверху в гордой, торжествующей улыбке.

Капитан Конолли, огромный и невозмутимый, как скала, не встал из-за стола, а сурово посмотрел на патрульного полицейского.

— Донован, вы знаете, почему я вас вызвал?

«Только не сиять от счастья, надо прикинуться, что не знаю»,— подумал Донован и ответил:

— Нет, сэр.

— Передо мной рапорт,— продолжал капитан.— Мистер Капра жалуется, что вы мешали ему торговать наркотиками. Тем самым вы посягнули на его доходы.

— Но он же продает школьникам героин, сэр!

— А вы думали, он торгует подержанными библиями?

— Значит, он преступ...

— Нет, Донован, преступник не он, а вы.

Донован услышал, как за его спиной с легким стуком упали на пол крылья. Он хотел было что-то сказать, спросить, возразить, но все в его смелом, молодом, энергичном организме разом вышло из строя. Струя воздуха никак не хотела продуваться через гортань, голосовые связки никак не желали вибрировать, губы и язык буксовали на месте.

— Преступник, — продолжал капитан,— это тот, кто нарушает порядок. Порядок, в частности, включает в себя ежемесячный визит мистера Капры ко мне с отчетом о доходах. И этот визит мне очень дорог. Вы же хотите этот порядок нарушить... Боюсь, что если вы этого не поймете, то вряд ли дослужитесь до пенсии.

МОЛИТВА ПРОТЕСТАНТСКОГО ЭКСТРЕМИСТА

— Да поможет нам небо!

Рисунок Ю. ГАНФА

2

Они давно знали и уважали друг друга, эти два немолодых человека. Они не завидовали друг другу, хотя один зачастую срывал на политической сцене аплодисменты, а другой предпочитал пропыленный коридорный полумрак кулуаров конгресса. Один произносил речи, другой эти речи оплачивал. Второй грабил, первый его выгораживал. Короче говоря, как вам уже должно быть ясно, один из них — солидный конгрессмен, другой — не менее солидный гангстер.

Они сидели друг против друга и неспешно беседовали.

— Мне тяжело жаловаться,— сказал гангстер,— я ведь человек гордый. И тем не менее наша доблестная нью-йоркская полиция, кажется, вознамерилась лишить меня куска хлеба.

Конгрессмен побледнел. На его высоком аристократическом лбу выступили плебейские капли пота. На мгновение в его воображении мелькнула картина: они оба с гангстером, грязные и оборванные, бредут по Таймс-сквер, по очереди украдкой протягивая дрожащую руку за милостыней.

— Не может быть,— пробормотал конгрессмен, вытирая лоб.— По-моему, нью-йоркская полиция ведет себя по отношению к вам и вашим коллегам более чем корректно. Если, мой дорогой друг, они иногда и требуют на лапу лишнего, то, поверьте мне, виной тому одна лишь инфляция.— Конгрессмен прижал руку к сердцу и с удовольствием констатировал, что оно еще бьется.

— При чем тут «на лапу»? — пожал плечами гангстер.— Наоборот, полицейские вообще перестают брать взятки... Они просто сами занимаются тем, чем должны заниматься мы, гангстеры,— грабежом банков, рэкетом, торговлей наркотиками. Они просто отбивают у нас хлеб. Что останется нам делать, я вас спрашиваю? Разве что самим поступить в полицию...

3

Он стоял маленький, жалкий, втянув голову в узкие, приподнятые плечи, и монотонно мотал головой. Должно быть, именно поэтому тоненькая струйка крови, которая сочилась у него из носу, стекала вниз к подбородку не прямо, а зигзагами.

— Значит, ты вырвал у старушки сумочку сам? По своей инициативе? — недоверчиво спрашивал массивный белобрысый полицейский, с любопытством разглядывая жулика.

— Да, сэр,— всхлипнул тот.

— Значит,— поднял брови полицейский,— ты не входишь ни в одну организацию?

— Какую организацию? — спросил паренек и вытер рукавом нос, отчего на верхней его губе появились красные усы.

— И никому не сдаешь выручку?

— Все беру себе, сэр.

Полицейский снял фуражку, яростно почесал голову и добавил:

— Ну и ну... Это ж надо, сам по себе. Ну что ж, придется тебе отсидеть...

В это мгновение рядом с его «шевроле» остановилась другая полицейская машина.

— Что у тебя, Билл? — спросил, не вылезая, сержант.

— Да вот парень у старушки сумочку вырвал. Сам по себе, не входит ни в одну шайку, ни с кем не связан.

— Здорово тебе повезло, Билл. Такого ведь и арестовать можно. Знаешь что? Уступи его мне, а то я уже месяц никого не задерживал,— кругом одни свои ребята орудуют. Плачу полсотни.

Билл еще раз поскреб голову и пожал плечами:

— Ладно, если тебе он так нужен...

Моргнув фонарем на крыше, у тротуара остановилась еще одна полицейская машина.

— Что у вас там, ребята? — раздался голос.

— Да вот купил у Билла жулика, которого можно арестовать. За полсотни. Представляешь, неорганизованный одиночка.

— Отдай его мне. За семьдесят пять.

К тому времени, когда паренька доставили в участок, он стоил уже сто пятьдесят долларов. В сумочке, которую он вырвал у старушки, было три доллара и двадцать центов.

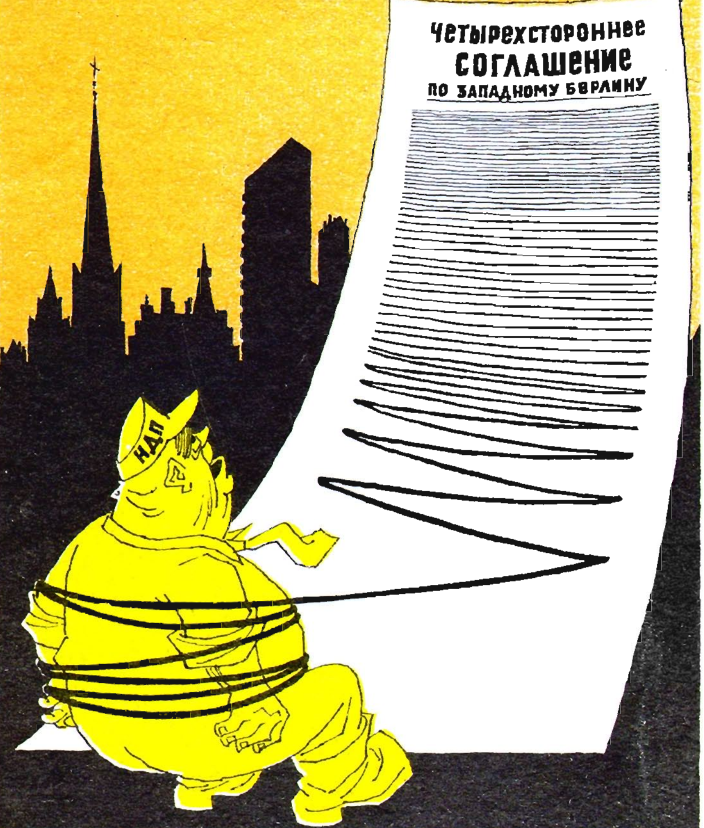

Рисунок М. АБРАМОВА

УДИНЕ (Италия). Проведенный близ этого города фестиваль так называемой поп-музыки стоил жизни... двумстам курицам. Дикие звуки электрогитар и прочих инструментов бродячего ансамбля так ошеломили пернатых обитателей птицефермы, что две сотни кур не выдержали и от ужаса испустили дух. Владелец фермы, обнаруживший мертвых кур в углу курятника, мог пожаловаться только самому себе, так как сдал свой участок устроителям фестиваля.

СТОКГОЛЬМ. У Шведского банка обнаружился конкурент. Здесь появилась в продаже туалетная бумага, на обеих сторонах которой изображен лицевой и оборотный рисунок банкнотов достоинством в сто крон. От подлинных стокроновиков туалетные отличаются лишь мягкостью и цветом бумаги. Так что служить платежным средством эти ватер-банкноты явно не могут. Однако, оскорбленный в лучших чувствах, Шведский банк потребовал от полиции проведения следствия. Хотя при нынешней инфляции вряд ли стоило обижаться...

НЬЮ-ЙОРК. Джон Мауттон, сотрудник газеты «Дейли ньюс», решил доказать, насколько иллюзорно ограничение продажи огнестрельного оружия частным лицам, введенное в США после убийства президента Кеннеди и последовавших за ним других политических убийств.

В четырех оружейных магазинах в четырех разных городах США Мауттон купил пистолеты, заполнив при этом установленную анкету. Во всех четырех случаях он написал, что пистолет ему необходим для совершения политического убийства. Очевидно, ни в одном из магазинов анкету и не думали читать. Лишь через месяц Мауттон получил письмо от владельца одного из упомянутых магазинов. Журналист с любопытством вскрыл конверт. В нем оказалась реклама нового типа пистолета.

ГАМБУРГ. В западногерманской газете «Ди Вельт» появилось как-то следующее объявление: «Молодой, красивый миллионер желает в супружеских целях познакомиться с девушкой, похожей на героиню повести Ганса Хельмута Боретиуса «Сегодня и на всю жизнь».

Уже на следующий день весь тираж книги ранее никому не известного писателя был распродан. Рекламный трюк книгоиздателя оправдал себя.

ВЕНА. Считается, что в наше время астрологи еще пользуются некоторым авторитетом. Однако канцлер Австрии Бруно Крейский придерживается другого мнения. Совсем недавно, например, он строго-настрого запретил своим министрам консультироваться с астрологами перед тем, как принимать решения, касающиеся их государственной деятельности.

Министры волнуются, астрологи же спокойны. Работы на их век и без этого хватит...

Борис ЕГОРОВ — Рассказ

ВЕЧНЫЙ СТУДЕНТ

В областном городе Н. я остановился в старой, двухэтажной гостинице.

Этой фразой я отнюдь не хочу сказать, что в областном городе Н. нет новой гостиницы, многоэтажной. Новая, похожая на гигантский стеклянный инкубатор, конечно же, есть.

Но она была забита до отказа.

Однако расторопный администратор все же не оставил меня без крыши над головой и дал талончик со штампом «Филиал».

...Расположившись за просторным столом в холле первого этажа, обитатели филиала играли в домино. Вместе с ними стучала костяшками и хозяйка гостиницы — пожилая женщина в застиранном синем халате, к которому была приколота изящная бляха со словом «Hotel».

Когда я отдал ей талончик, она сказала:

— Паспорт сейчас. Деньги можно потом. А спать пойдете в четвертую комнату. Будете вместе вот с этим... с Заиндевеловым.

Хозяйка гостиницы показала рукой на одного из игроков — щуплого, рыжеватого мужчину неопределенных лет.

— Спать еще рано,— пробасил сидевший в центре стола огромный, кудлатый детина с черными пальцами — механик, наверно, или водитель. Осведомился у меня: — Козла забиваете? Тогда садитесь. Тут товарища одного подменить надо.

Детина кивнул в сторону щуплого, моего будущего соседа, и спросил его:

— Заиндевелов, ты еще можешь играть?

Тот дискантом ответил:

— Поиграю еще. Пошлепаю.

Кудлатый ахнул по столу костяшкой так, что, казалось, стол прогнулся. Сказал довольно:

— Ажур!— Потом спросил у щуплого:

— А скажи, Заиндевелов, что такое ажур?

— Ажур — это состояние счетоводства,— затараторил щуплый, как на экзаменах,— при котором записи в бухгалтерских книгах, карточках и ведомостях выполнены бухгалтерией в день совершения операции.

— Молодец! Что бы еще такое у тебя спросить?

— А ты оставь его. Что ты все к нему пристаешь? — вступилась за щуплого хозяйка гостиницы.— И так у человека голова, небось, болит.

— Не-не. Я тоже хочу быть просвещенным,— упрямился кудлатый.— Скажи мне, Заиндевелов, что такое катушка индуктивности?

— Катушка индуктивности — это проволочная спираль, намотанная на...

— Верю, верю,— прервал кудлатый.

Когда игра закончилась, было поздно. Мы с Заиндевеловым прошли в свою комнату, и я спросил его:

— Что-то товарищ вам все вопросы задает?

— А-а! Вовка! Он вроде репетирует меня. Учусь на курсах бухгалтерского учета. Экзамены предстоят.

— А при чем катушка индуктивности?

— Параллельно я на курсах электриков...

— Кто же вы по специальности?

— Кто я? А черт знает, кто я. Я уже забыл, кто я.

С этими словами Заиндевелов достал из внутреннего кармана давно не глаженного пиджака пачку бумажек, стянутых резинкой, и разложил бумажки пасьянсом на одеяле.

— Вот они, мои свидетельства, мои дипломы. Что я закончил. Это курсы культработников. Это — искусственного осеменения. Дальше — охотничьего хозяйства, киномехаников, орошаемого земледелия, противопожарные, шпалерного садоводства...

Я видел перед собой живого энциклопедиста.

— К чему вам все это, Заиндевелов?

— Мне? Мне ни к чему. Это меня колхоз посылает.

— А колхозу?

— А колхозу спускают твердый план по подготовке кадров. И требуют направлять народ на курсы. И тут начинаются разные закавыки. Один не может отлучиться: работа у него ответственная. Без второго тоже не обойтись. Третий кружок ведет. А четвертого с радостью в дорогу благословляют, а он не хочет. Больной, говорит. Или старики нездоровы. Или жена, говорит, у меня молодая и одну ее оставлять боязно... Вот так переберут всех и на мне остановятся. Пошлем, мол, Заиндевелова: он холостой и на всех курсах зарекомендовал себя исключительно хорошо, колхоз не позорит, смирный, непьющий, за него только одни благодарности. И опять меня посылают. Для отчета. Для формы. И выходит, что я вечный студент.— Заиндевелов горестно вздохнул.— Честно скажу, заучили они меня. Хотя, конечно, платят...

— А товарищ, которого вы Вовкой назвали,— тоже холостяк?

— Тоже. Но у него баба здесь. Невеста. И он, наоборот, прямо так и рвется сюда. Бухгалтерские окончил, электриков окончил. Сейчас — по лекарственным травам... Но его не больно из колхоза отпускают. Нужен он там. Механик он. Председатель ему сказал: «Учти, последний раз едешь. И привози свою кралю в колхоз. Без нее не возвращайся».

Заиндевелов снова собрал в пачку свои печальные свидетельства, стянул их резиночкой, положил в карман и молча стал разбирать постель.

Заснул он быстро, но спал тревожно, во сне разговаривал, и до меня доносилось:

— ...Мясо зайца имеет почти пять процентов железа и около двадцати процентов белков...

«Это результат обучения на курсах охотничьего хозяйства»,— догадывался я.

— Трудно переоценить роль радио в любой отрасли народного хозяйства...

«Это курсы культработников. А может быть, и электриков».

— Болезни плодовых и ягодных культур делятся на непаразитарные и паразитарные.

Мне становилось не по себе. Я окликнул Заиндевелова. Он повернулся на другой бок и после некоторого молчания сказал:

— Поврежденная шкура более чем вдвое дешевле шкуры первого сорта.

К утру я забылся, но ненадолго. В дверь постучали:

— Заиндевелова к телефону!

Мой сосед, кряхтя, натянул брюки и вышел. Вернулся он, шепча проклятия.

— Что случилось? — спросил я.

— Думал: скоро домой. А из колхоза говорят: оставайся на курсы шпалерного садоводства.

— Но вы уже учились на шпалерных?

— Ах, да, да. А теперь опять.

Едва он заснул, как я услышал:

— Болезни плодовых и ягодных культур делятся на непаразитарные и паразитарные.

А потом вдруг такое, чего я совершенно не ожидал:

— Вильгельм III, король Голландии, был одновременно Вильгельмом I ирландским, Вильгельмом II шотландским, Вильгельмом III английским и Вильгельмом IV нормандским.

Откуда этот ошеломительный экскурс в историю, я догадаться никак не мог. Наверное, Заиндевелов не все еще успел рассказать о себе.

Валентина Станиславовна вызвала трех своих ассистентов:

— Мальчики, пойдите к ректору и попросите, чтобы Савицкого из аспирантов перевели в ассистенты. Ведь он же такой способный.

— Вы заведующая кафедрой,— переглянулись мальчики,— вам и карты в руки.

— Мне, знаете, не совсем удобно,— смутилась заведующая.— Вы даже не говорите, что это я вас послала. Видите ли, Савицкий — мой дальний родственник, и я прописала его на свою площадь. Временно, конечно. Но у нас могут подумать бог знает что.

Теперь ассистентам приходилось подстраиваться не только под профессора, но и под своего коллегу Савицкого.

Коллеги-ассистенты не выдержали и опять отправились в ректорат. Теперь уже не по воле пославшей их заведующей, а по своей собственной. И совсем с иными намерениями.

— У профессора появился любимчик, и вся работа кафедры пошла кувырком.

Это дошло до Дмитриевой.

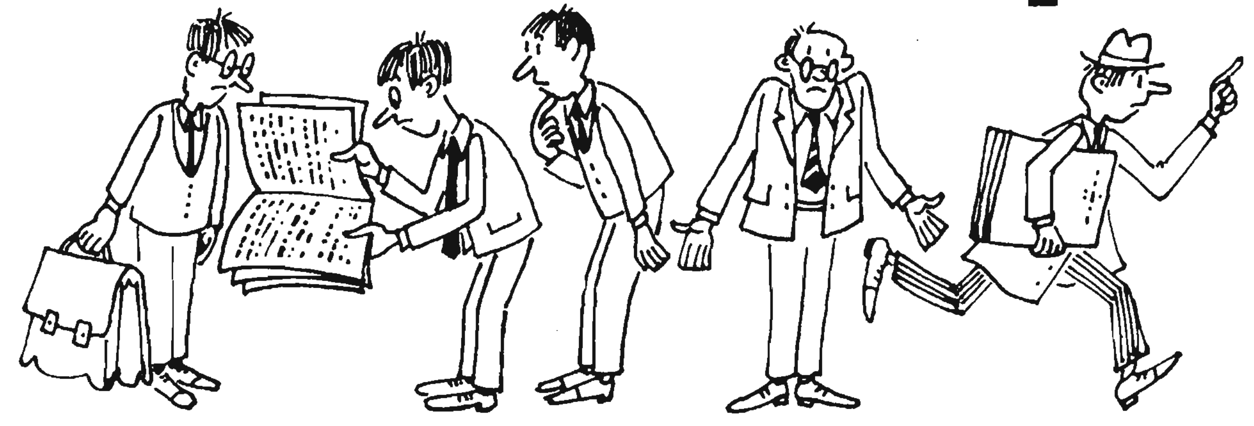
— Ах, они неблагодарные! — возмутилась она.— Забыли, как я их самих протащила на кафедру раньше тано слово «ухо». Вот это ухо и вылезло уже из книжки В. Дмитриевой. При переписке текста из другого автореферата докторской диссертации были допущены ошибки, вроде такой: «доброкачественная опухоль типа злокачественной» (?). И так далее.

На все эти ляпсусы авторам было указано в рецензии, помещенной в журнале «Стоматология», и на заседании Ученого совета Центрального научно-исследовательского института стоматологии.

Причем рецензия была написана группой специалистов-онкологов Всесоюзного комитета по изучению опухолей головы и шеи. Во главе с председателем этого комитета. А на Ученом совете выступили самые авторитетные в данном вопросе ученые.

А. СУКОНЦЕВ

ДЕОНТОЛОГИЯ О ДВУХ КОНЦАХ

Ассистенты не хотели, чтобы об их профессоре думали бог знает что, и пошли в ректорат ходатайствовать за аспиранта Савицкого. Их миссия оказалась успешной: Савицкий был произведен в ранг ассистента досрочно.

В чем тут разница? Аспирант — это вроде как бы еще ученик в храме науки, а ассистент — это уже вроде как бы ученый. Ну и соответственно зарплата у них довольно разная.

Повышенная раньше срока зарплата была не единственным благодеянием, сошедшим на постояльца заведующей кафедрой. Новоиспеченный ассистент очень скоро почувствовал себя на кафедре хирургической стоматологии эдаким свободным художником, не обремененным ни жесткими рамками трудовой дисциплины, ни полным объемом педагогической нагрузки.

Савицкий появлялся в институте, когда хотел, в клинике занимался только тем, что ему больше нравилось. А профессор В. С. Дмитриева не только не делала ему замечаний, но, напротив, постоянно подчеркивала, что он самый способный и самый одаренный. И ему все можно.

До этого «все можно» было только Валентине Станиславовне. За пять лет она уволила с кафедры шесть ассистентов и одного доцента. Установила такой распорядок работы, который был крайне неудобным для всех: «зато мне так удобно».

срока! Нечестные и подлые завистники!

Валентина Станиславовна учинила всем сотрудникам допрос и попутно дала понять, что на кафедре она хозяйка, а с теми, кому это не нравится, «разлука будет без печали». Выпуская очередной печатный труд под названием «Острые одонтогенные воспалительные процессы и их осложнения», она взяла своего квартиранта Савицкого в соавторы.

Однако выход этой книжки не принес профессору Дмитриевой ожидаемой радости отмщения, а совсем наоборот — доставил ей очень большие хлопоты и вызвал серьезные возражения у многих ученых, специалистов-стоматологов.

Обнаружилось, что многие места в книге были переписаны из других изданий без ссылки на первоисточники, без кавычек. Одни ученые считали это явным плагиатом и требовали суровых санкций. Таких было большинство. Другие полагали, что авторы в спешке просто упустили кое-где такую мелочь, как кавычки, что их надо пожурить, и они больше не будут.

Но, кроме прямого или косвенного плагиата, в книжке обнаружены были грубые ошибки, нелепицы, опечатки и противоречия. Так, скажем, в одном автореферате, из которого профессор Дмитриева заимствовала некоторые положения, по недосмотру вместо слова «уже» было напеча-

Что делает в этом случае автор? Благодарит своих коллег за критику, обещает учесть правильные замечания при переиздании книги.

Ничего подобного, однако, не случилось. В письме на имя министра здравоохранения Валентина Станиславовна единым махом отвергла всю критику, а по поводу самих критиков высказалась в том смысле, что они, «используя свое служебное положение для выполнения личных целей, пренебрегли необходимостью соблюдать... правило деонтологии».

Что касается «правила деонтологии», то тут надо разобраться.

«Деонтология,— толкует всезнающий словарь,— принципы поведения медперсонала, направленные на максимальное повышение полезности лечения и устранение вредных последствий неполноценной медицинской работы».

Термин очень серьезный. Он говорит о том, что медики и друг к другу предъявляют гораздо более высокие требования, чем люди других профессий. Что верно, то верно: им доверено здоровье людей, их жизнь.

Но как же обстоит дело с этой самой «деонтологией» в нашем случае? По мнению проф. Дмитриевой, у принципа деонтологии есть два толкования. Один — для всех прочих, другой — для нее персонально.

В том самом письме министру она называет более десятка ученых, причем довольно известных, и дает каждому из них такую примерно характеристику:

«Профессор А.— карьерист, он хочет занять мое место».

Хотя незадолго до этого сама же пригласила его на кафедру как высококвалифицированного специалиста.

«Профессора Б. и В., доцент Г — его дружки-приятели, действуют по его подсказке».

«Профессор Д.— всегда относился ко мне тенденциозно, предвзято».

Между тем свою книгу Валентина Станиславовна подарила Д. с трогательной надписью: «Дорогому, любимому учителю».

«Профессор Е.— постоянно мешает работе кафедры. Правда, не моей кафедры, а соседней».

«Профессор Ж.— мстит мне за то, что я однажды ему возразила, а сам не написал ни одной книги».

«Профессор З.— сам плагиатор, хотя его материал очень тщательно перефразирован и изменено построение глав».

«И.— беспартийный», «К.— искажает факты потому, что двадцать лет назад у нас с ним был конфликт. Он что-то такое тогда сказал»...

Подобные же обвинения Дмитриева выдвигает и против ректора института и против членов Ученого совета общества стоматологов, против всех, кто когда-нибудь осмелился покритиковать ее книгу или ее саму.

Некоторое время назад на совместном заседании ректората и парткома Института усовершенствования врачей В. С. Дмитриевой был объявлен строгий выговор «за серьезные недостатки в руководстве кафедрой, низкое качество лично выпускаемой научной продукции и формальное проведение идейно-воспитательной работы».

— Я виновата,— сказала Валентина Станиславовна в заключительном слове и тут же принялась... снова обвинять своих критиков в предвзятости и необъективности.

— Вы знаете,— сказали нам ее коллеги,— она так ничего и не поняла.

И я решил встретиться с профессором Дмитриевой.

— Все началось с того, что я предъявляла высокие требования к ассистентам, а им это не понравилось, и они стали жаловаться,— сказала мне Валентина Станиславовна.

Мы беседуем час, полтора, и я все больше убеждаюсь в том, что моя собеседница готова обвинять в происшедшем кого угодно, кроме себя.

— Почему вы скрывали от всех в институте, что Савицкий ваш муж?

— Видите ли, мне было как-то неудобно говорить об этом.

Говорить неудобно, а брать к себе мужа на кафедру удобно. А всячески продвигать его, создавать особые условия, противопоставляя всему коллективу,— удобно.

— У Валентины Станиславовны закружилась голова,— сказал мне секретарь парткома профессор В. В. Мешков,— ее захвалили. Когда-то она была самым молодым доктором наук, самым молодым профессором, заведующим кафедрой. Ей пели дифирамбы. И теперь она никак не может представить, что ее, Дмитриеву, можно критиковать и что критикуют ее правильно, за дело. А она зарвалась, полагая, что ей все дозволено.

К сожалению, такое еще бывает в нашей жизни. В качестве некоей профилактики в борьбе с подобными явлениями я и написал этот фельетон.

— А это огород заведующего ателье...

Рисунок Б. САВКОВА

Владимир ЛИФШИЦ

Мелочь

Так, мелочь, беда небольшая,
А вспомню — и сердце болит...
К стоянке такси поспешая,
Седой ковылял инвалид.

Как вдруг
Перед самой машиной,
Зажегшей зеленый сигнал,
С какой-то сноровкой мышиной
Ловчила его обогнал.

Старик в полинялом бушлате
Тягаться с ним явно не мог,
И быстро
На сером асфальте
Растаял бензинный дымок...

Я думал о том, кто умчался.
Есть разный народ на Руси...

Калеку,
Что с палкой остался
Стоять в ожиданье такси,
Под Керчью,
Где пули хлестали
Бушлатов отчаянный вал,
В атаке бы давней едва ли
Тот — шустрый — его обогнал.

ЕЩЁ РАЗ! ЧИТАЙТЕ! ЗАПОМНИТЕ!

ВПВ-71

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Крокодил решил организовать на своих страницах Выставку Плоховатых Вещей, чтобы выявить наиболее достойных их изготовителей.

Выставка рассчитана на показ вещей, обслуживающих наш быт. Предполагается открыть следующие павильоны:

1. Электрофототовары. 2. Бытовая химия и хозтовары. 3. Обувь, одежда. 4. Малыш. 5. Спорт- и культтовары. 6. Галантерея. 7. Мебель. 8. Посуда. 9. Автомотовелотовары.

Выставка проводится под девизом «За прочную дружбу вещей с людьми и гуманное отношение к потребителю!».

Условия ВПВ-71:

I. Прислать экспонат на Выставку Плоховатых Вещей может каждый. Для этого достаточно купить какую-нибудь вещь и, убедившись в ее негодном качестве, составить описание порочных наклонностей вещи и выслать его в «Крокодил» с пометкой: «На ВПВ-71».

Если вещь фотогенична, можно приложить к описанию фотоснимок. Не возбраняется и высылка самой вещи, если это не лодочный мотор, мотоцикл, сборнощитовой дом или еще что-нибудь более грандиозное по габаритам.

Следует обязательно указать адрес изготовителя. Нелишне приложить и переписку с бракоделами, если она уже завязалась.

II. Участникам ВПВ-71 будет разрешено забрать свои экспонаты с выставки для дальнейшего возможного пользования. Кроме того, каждому участнику ВПВ-71 «Крокодил» крепко пожмет руку.

III. Предприятия, занявшие призовые места на ВПВ-71, награждаются Большой медалью выставки, Дипломами трех степеней, а также различными призами-сюрпризами «Крокодила».

IV. Дирекция ВПВ-71 объявляет конкурс на замещение вакантных должностей экскурсоводов и консультантов по павильонам. В качестве таковых приглашаются работники торговых инспекций, торговых фирм и магазинов, которых редакция просит присылать краткие отзывы о качестве тех или иных товаров.

Прием экспонатов на выставку заканчивается 15 ноября.

Итак, подготовка к открытию ВПВ-71 началась!

КРОКОДИЛ

Товарищ Пробкин за работой.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Евгений ШАТРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ШКУРНЫЙ ВОПРОС

Рыжего бычка и здоровенного пятнистого бугая погнали на убой вместе.

Умей они разговаривать, между ними произошел бы следующий диалог:

— Смерть не так уж страшна,— сказал бы рыжий бычок.— Ведь я еще превращусь в сочные бифштексы, а из шкуры моей сделают отличный хром для дамских сапожек.

— Эка невидаль — хром! — ухмыльнулся бы пятнистый бугай.— А вот моя шкура пойдет на особо прочную кожу для приводных ремней, послужит индустрии.

Отдавая дань старшинству, расскажем сначала, как не сбылся прогноз пятнистого.

Его толстая, добротная шкура попала на Ульяновский кожевенно-обувной комбинат, когда здесь скопилось тысячи три таких же. С переработкой этого ценного сырья, лежащего на дворе целыми штабелями, ульяновцы не торопились.

В тот самый день, когда пятнистую шкуру швырнули к остальным и она впервые вымокла под дождем, главный инженер комбината А. Мироненко явился к директору, радостно помахивая полученной телеграммой.

— Услышали в Москве наши молитвы,— сообщил Александр Васильевич.— Забирают у комбината бугаевы шкуры. Наконец-то от них отделаемся!

— Неужели все сбагрим? — спросил с просветленным лицом директор Л. Волчек.

— Пока дают наряд на отправку тысячи шестисот штук... И то хорошо для почина!

Однако вскоре выяснилось, что забрать у комбината готовы лишь первосортные бугаевы шкуры. И пришлось погрустневшему Александру Васильевичу написать своему московскому начальству в «Росглавлегснабсбытсырье»:

«Поскольку сырье хранилось на улице в основном с 1967 года, свой товарный вид оно потеряло и совершенно не соответствует требованиям отгрузки». Поэтому, дескать, просим разрешить отправку куда-нибудь всего перепрелого да подгнившего.

Но с какой стати кому-то замаливать грехи ульяновцев? И к чему лишние перевозки? Главк обязал комбинат переработать шкуры на месте. Таким образом, у бывшего одеяния пятнистого бугая появился реальный шанс стать приводным ремнем.

Только реальный ли? В прошлом году вместо трех тысяч шкур пошло в дело только восемьдесят. И в это мизерное число пятнистая не попала. Она и сейчас валяется где-то во дворе. Но уже не среди трех, а среди четырех тысяч других, поднакопившихся к маю нынешнего года. И продолжается в них «бактериальный процесс», как научно называют руководители комбината тот самый процесс, который и мамонтову шкуру способен превратить в лохмотья.

А теперь нам в самый раз перейти к шкуре рыжего бычка. Читатель, вероятно, полагает, что она-то, превратясь в хром, уже поскрипывает на стройных ножках модницы, презирающей синтетику. Ничуть не бывало!

На сырьевой базе комбината приходится худо не только бугаевым шкурам. Не берегут здесь как следует и коровьи, телячьи, свиные...

Прибывшее сырье нередко лежит по многу месяцев не рассортированным и не законсервированным для длительного хранения.

Такая участь постигла и рыжую бычью шкуру.

Огромные убытки несет комбинат от скверного хранения всего того добра, что идет на изготовление натуральной кожи. Сколько лишних расходов несут производственные цехи, стараясь получить из перепревшего сырья товар нужных кондиций! Да и далеко не всегда это удается.

Сырьевая база — самый заброшенный, самый сиротский участок вполне современного, почти повсюду хорошо оснащенного предприятия. Любой рабочий, встреченный на базе, все беды ее перечислит без запинки:

— Организация труда у нас как при царе Горохе: вечно то простои, то авралы и толчея.

— На сортировке не хватает транспортеров, подъемников, циферблатных весов, самой немудрящей техники.

— Давно бы расширить завозные камеры-склады, подлатать крыши, добавить навесов!

— С разгрузкой вагонов совсем плохо. Таскаем на руках!

А вот руководители комбината даже особенно необходимую, неотложную механизацию подачи сырья с железнодорожной ветки отнесли на 1973 год. Главный инженер А. Мироненко в основном работает над по-прежнему жгучей для него проблемой: кому бы сплавить подпорченное сырье?

Вот вам и вся история про рыжего бычка, вернее, про его шкуру, за сохранность которой никто не поручится. И еще эта быль про шкуру пятнистого бугая, так и не послужившую индустрии.

г. Ульяновск

МИМОХОДОМ

И на солнце есть пятна, но зато там нет химчистки.

За отличное самообслуживание в закусочной дал самому себе «на чай».

В одном НИИ: ум — хорошо, два ума — склока.

— Среда заела! — вздыхал он, опохмеляясь в четверг.

Если в здравницу завезли кирпич и загудела бетономешалка, значит, сезон отдыха начался.

— Не знаете, чей это юбилей отмечают?
— Боюсь, что мой...

Вставлять палки в колеса можно и без механизации.

Л. МИТНИЦКИЙ

УЛОЖИЛИСЬ В СМЕТУ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Давненько не брал я в руки шапок!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

— Пока он институт не закончит, ты мне подтяжки не покупай!

Рисунок В. ГОРЯЕВА

И. СОЧИВЕЦ

Рассказ

ХОРОШИЙ ТОН

Недаром говорят: век живи — век учись! Вон Елизавета Остаповна сколько на своем веку гостей приняла, а, оказывается, не все познала в этом тонком деле. Например, совсем недавно где-то вычитала, что если гость за столом что-нибудь разольет или с вилки уронит, хозяйке рекомендуется либо «не заметить», либо очень деликатно успокоить гостя.

Теперь Елизавета Остаповна решила непоколебимо придерживаться правил хорошего тона. Скоро и случай представился: в субботу собрались у нее гости. Ну, понятно, поговорили о погоде, о последних известиях, а там и за стол сели. Сначала все шло чин чином. Но тут новый знакомый — Николай Гаврилович — потянулся за хреном. Набрал себе в ложечку, а она — верть, и хрен на белую, как снег, скатерть — хляп! Правда, хляпнул тихо. Никто из гостей этого не заметил. Только хозяйка бросила молниеносный взгляд на красное пятно и тихо ойкнула.

— Извините! — почти прошептал Николай Гаврилович и покраснел.

— Пустяки! — звонким голосом ответила Елизавета Остаповна.— Хрен не икра, не велика утрата. Да и скатерти от хрена ничего не будет. И извиняться не надо было. Набрали бы себе другую ложечку хрена, а я сделала бы вид, что не заметила пятна.

— Так вы же заметили,— положил ложечку Николай Гаврилович.— Да и люди мы культурные...

— Вот потому мы и придерживаемся правил хорошего тона,— перебила Николая Гавриловича хозяйка.— Думаете, вы первый испакостили мне скатерть? Боже мой! Вон однажды Василий Бусол, зять моей подруги, хорошенько выпил, а потом вывернул на стол банку сайры в масле и начал пересчитывать кусочки... Все внутренности во мне начали трястись, а я все же смолчала. Хороший тон, ничего не поделаешь.

Гости засмущались, а Николай Гаврилович и вовсе потерялся.

— Вы вот хреном заляпали мне скатерть,— продолжала Елизавета Остаповна.— Ну и что? Считайте, что вы ничего не пачкали, а я ничего не заметила. Это же ерунда по сравнению с тем, что учинил на той неделе Грицько Плут, наш бухгалтер. Мясо обгрыз, а потом косточкой давай колотить об стол, чтобы мозг выбить... Я и тогда смолчала. Правда, потом пришлось с мигренью пролежать несколько дней от расстройства. А вы говорите — хрен.

Елизавета Остаповна обращалась уже ко всем присутствующим:

— А если бы он не стал извиняться, я бы и рта не раскрыла. Я же и так знаю, что Николай Гаврилович человек воспитанный. Он не из тех, кто нарочно свинячит за столом: то смешает холодец с капустой, то компот вольет в водку, а из белой скатерти сделает карту мира... Не верите? Вот я вам сейчас принесу вещественные доказательства.

Когда Елизавета Остаповна вернулась из кладовки, держа в руках развернутую скатерть, за столом уже никого не было.

Перевод с украинского А. ШВЕЦОВОЙ

Н. АЛЬТШУЛЕР

У директора завода

В наградах стены кабинета.
За что дипломов только нет:
За городки, за эстафету,
За джаз, за песни, за балет.
И всюду золото вещает:
Кому, когда, за что и где...

Одной награды не хватает —
За достижения в труде.

Нашел

Бородку пальцем теребя,
Серьезной занят был задачей:
Кого ему взамен себя
На время отпуска назначить!..

— Григорьев, думается мне,
С делами справится вполне —
Способный, энергичный малый...

Потянет и Скворцов, пожалуй...
Да и Васильев башковит,
Хотя и простоват на вид...

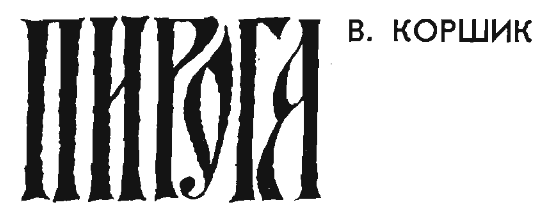
Нет, надо Клямкина назначить,
Таких растяп не видел свет!

Пусть знают все,
что это значит,
Когда меня на месте нет!

г. Рига

ВОКРУГ ЦЕРКОВНОГО ПИРОГА

В. КОРШИК

От телеграммы за версту тянуло детективом: «Уфа. Матушке Фанифатии. Встречайте Сережу. Снимите 500 рублей и передайте ему вместе с митрами. Постарайтесь отправить его самолетом на Москву. О своем вылете пусть телеграфирует. Подробности сообщу сам. Игумен Илья».

Телеграмма была срочная. Но, верные своим традициям, уфимские почтовики вручили ее спустя 11 часов, чем чуть не испортили задуманную операцию. Пока взволнованная Фанифатия искала очки, в комнату постучался гонец — новоиспеченный псаломщик Преображенского храма Сергей Абрамцов.

Изящно стряхнув с туфель аэрофлотовскую пыль, он поинтересовался насчет телеграммы.

— Как же, получили,— пропела испуганная монахиня.— Вот она.

Быстро ознакомившись с текстом, посетитель углубился в угол и размашисто осенил там себя крестным знамением, после чего бодро сообщил:

— Влип в беду батюшка! Деньги и митры нужно срочно доставить на Белорусский вокзал. Что же вы стоите, матушка?!

Когда, сняв с книжки 500 рублей, Фанифатия прибежала домой, у крыльца уже стояло такси, куда Абрамцов, суетясь, укладывал две митры стоимостью в 400 рублей каждая. Получив деньги, он трижды расцеловал матушку и, пожелав ей веселой старости, умчался в аэропорт.

Через три дня к крыльцу подкатило такси черного цвета. Из него проворно выскочил сам игумен Илья и, путаясь в рясе, рысцой потрусил в дом.

— Был Сережа? — с порога крикнул он.

— Как же,— ответила матушка,— был!

— Так я и знал,— опускаясь на лавку, простонал настоятель.—Обчистил-таки, каналья!

Скажем сразу, настоятель Преображенского храма в городе Воткинске игумен Илья (по-мирскому Николай Иванович Бобровников) пострадал за веру. Так случилось, что в Сергее Абрамцове, с которым его познакомил оренбургский протоиерей Стефан Акашев, он внутренним чутьем узрел прирожденного служителя культа. Для этого у молодого человека были все данные: стойкая набожность сочеталась в нем с удивительной напористостью и живостью характера.

В первый же день на вопрос, верит ли он в бога, Абрамцов ответил в том смысле, что вообще не прочь поверить, если церковный совет выделит ему на обзаведение небольшую сумму в 1 750 рублей.

Такой чистосердечный ответ тотчас же убедил батюшку, что к религии молодой человек относится серьезно. Поэтому на следующий день церковный совет без проволочек зачислил двадцатидвухлетнего Сергея Абрамцова псаломщиком и настоятель отбыл в турне по святым местам вместе с полюбившимся ему жизнерадостным молодцом.

Если взглянуть со стороны, путь паломников не был прямым, как стрела. Сначала пилигримы заглянули в уральский город Коркино, где Бобровников в течение дня собрал с верующих пожертвования на святых угодников в сумме 750 рублей. Обеспечив таким образом себя карманными деньгами, они благополучно прибыли в Уфу. Бобровников имел здесь дом с двумя домработницами, по-церковному монашками.

Монашкам набожный Сережа тоже понравился, но особенно тесная дружба завязалась у него с дворовым псом Пираткой. Весь день он прикармливал собаку нежными куриными косточками, чем серьезно обеспокоил настоятеля. Подозрения усилились по дороге в Москву, когда, проснувшись ночью, игумен застал юношу за довольно странным занятием: при бледном свете луны тот увлеченно изучал содержимое карманов настоятеля.

Под стук колес состоялось жгучее объяснение. Вот как вспоминал впоследствии о нем Бобровников в письме на имя начальника милиции:

«Я сразу же догадался, что Абрамцов — жулик и аферист... Он, доверившись, рассказал мне, что ему нельзя появляться в Минске, Алма-Ате, Саратове, Ташкенте, а также во многих других городах Союза. Когда я полюбопытствовал, почему ему нельзя появляться, например, в Минске, он сказал, что у них с друзьями там было большое дело: от имени Живорецкого монастыря они принимали от верующих деньги на вечное поминовение по сто рублей за имя и выдавали ложные бумажки,— как он называл, индульгенции...»

Кто думает, что после этого игумен послал своего помощника ко всем чертям, глубоко ошибается. Ничего такого не случилось. Настоятель лишь кротко полюбопытствовал: зачем же они обманывали верующих?

— Так ведь и вы, батюшка, в Коркине кое-кого надули,— заметил Абрамцов.— Денежки-то, тово — на митры ушли!

Псаломщик резал правду-матку. Действительно, деньги, собранные на святых угодников, Бобровников использовал на покупку двух митр, которые по дешевке приобрел в Уфе у вдовы священника Чернышова, дабы сбыть потом за полную стоимость кому-нибудь из епископов.

Словом, как-то само собой выяснилось, что между ними, в сущности, нет страшной нравственной пропасти: один надувал верующих «законным» путем, другой — «незаконным». Осознав эту простую истину, отец Илья проникся к псаломщику душевной симпатией. В Москве он даже доверил ему сдать свои вещи в камеру хранения. Это был жест дружбы, дипломатичное давление на хрупкую психику молодого служителя культа. И тот сдался: ответил взаимной любезностью. После посещения Псковско-Печерского монастыря он помог Бобровникову завербовать своего друга Геннадия Савченко. В городе Печеры был заключен контракт, по которому раб божий Савченко через месяц должен был прибыть в Казанское епархиальное управление, за что тут же отхватил 200 рублей наличными.

И вот, когда, казалось, все было в порядке, два друга внезапно исчезли. Проискав их в Москве безрезультатно три дня, Бобровников примчался в Уфу. Но было поздно.

Так печально закончилась миссионерская деятельность настоятеля Преображенского храма Николая Ивановича Бобровникова по обращению в христианскую веру двух аферистов — Абрамцова и Савченко.

* * *

В тот зимний вечер в квартире бывшего выпускника Коломенского пединститута допоздна горел свет. Склонившись над столом, заваленным церковной литературой, хозяин квартиры писал реферат на тему «Модернизм современного православия». Судя по тому, как бойко бегал карандаш по бумаге, посторонний наблюдатель мог легко догадаться, что педагог разбирался глубоко и всесторонне не только в теоретической, но и в практической части вопроса.

Неожиданно в дверь постучали.

— Кто там? — неохотно отрываясь от научного труда, спросил педагог.

— Милиция. Здесь живет Геннадий Федорович Савченко?

Да, это был он, тот самый Геннадий Савченко, который, получив в октябре от отца Ильи 200 рублей, должен был прибыть через месяц в Казанскую епархию для получения духовного сана.

В милицию его вызывали отнюдь не за этим. Следствию нужно было установить одну уголовную деталь: кто заполнял бланк телеграммы, адресованной матушке Фанифатии. Забегая вперед, скажем: почерковеды без особого труда установили в этом деле руку скромного автора реферата «Модернизм современного православия» Геннадия Савченко.

А в это время в Уфе давал чистосердечные показания сам Абрамцов.

— По натуре я немного философ,— поигрывая нательным серебряным крестиком, говорил он следователю.— Поэтому сделаю небольшой экскурс в уголовное дело... Что было для нас главным?.. Главным было то, что православная церковь нуждается в молодых кадрах. Нам щедро платили за одно желание стать духовными лицами.

Сергей Абрамцов не лгал. Только летом 1970 года он побывал в пяти епархиях.

— Заметьте,— весело говорил он,— я ездил только в мягких вагонах или летал на самолетах. Знаете, хотелось на деньги верующих полюбоваться прелестями живописной родной природы...

И такие вояжи он совершал в течение пяти лет. Только в Псковско-Печерском монастыре Сергей Абрамцов побывал около десяти раз. И при каждой встрече настоятель монастыря архимандрит Алипий снабжал его кругленькой суммой. Не терял, видно, надежды, что со временем повзрослевший проходимец станет примерным рабом божьим.

Сладкий церковный пирог Абрамцов грыз не в одиночку. Часть денег он отдавал Савченко. Так сказать, за учебу, за полученные знания. Знания эти были настолько фундаментальными, что в некоторых приходах он запросто читал проповеди. Причем с таким мастерством, что ему мог позавидовать иной выпускник духовной академии.

Общение с верующими, как правило, заканчивалось шумными кражами. В этом нелегком деле Абрамцову порой ассистировал «педагог» Савченко.

Ну, а теперь давайте подобьем бабки. Вернемся к Николаю Ивановичу Бобровникову. В церковных кругах этот «святой отец» славится как большой друг молодежи. В свое время батюшка долго охмурял денежными суммами студента Башкирского сельскохозяйственного института Павла П. Но в конце концов потерпел фиаско. Попал в фельетон и был вынужден спешно покинуть Уфимскую епархию. Тогда-то отец Илья сделал соответствующие выводы. И стал вербовать будущих отцов церкви среди людей особого морального склада, а точнее говоря, среди пройдох и аферистов.

г. Уфа

— Люблю, знаете, чтобы во всем домашний уют чувствовался!

Рисунок О. КОРНЕВА

В. РОМАНОВ

Рассказ

Культурное мероприятие

Было то пасмурно, то дождливо. Наша туристская группа скучала.

— Хотим культурных мероприятий! — взвыли мы, подсчитав, что треть стоимости путевки идет на оплату культурного досуга.

— Зачем культурные мероприятия? Хватит с вас и Черного моря,— отмахнулся директор турбазы Христофор Петрович.

— Дайте жалобную книгу! — потребовал наш староста Башмаков.

— Зачем обижаешь человека?! — помрачнел Христофор Петрович и с достоинством удалился.

Мы ходили по его пятам и продолжали надоедать. Башмаков пугал жалобной книгой. Наконец директор сдался:

— Ладно, дорогой. Будут вам культурные мероприятия. Завтра поедем кататься на катере...

Катер был стар, облезл, но вместителен. Уселась вся тургруппа. За руль взялся сам Христофор Петрович. Мотор сердито заурчал, и мы помчались по изумрудной водной глади. На середине бухты катер вдруг остановился и стал наполняться водой.

Мы попрыгали за борт.

— Разве это культурное мероприятие? — барахтаясь в воде, возмущался Башмаков.— Дайте жалобную книгу!

— Зачем тебе, дорогой, этот рукописный труд с орфографическими и грамматическими ошибками? — выныривая из пучины, спросил директор.

— Читать нечего. На вашей турбазе нет даже библиотеки,— съязвил Башмаков, выплевывая кусок медузы.

— Зачем читать? Разве на Черное море приезжают читать? — заметил директор, переходя на брасс.

— Не только читать, но и про плохое обслуживание писать... в жалобную книгу! — сказал Башмаков, догоняя его кролем.

— Нехорошо, дорогой. У нас жалобы не пишут, а берут саблю, садятся на коня и мстят,— пояснил Христофор Петрович, вылезая на берег.

Вслед за ним выбрались и мы. Мокрая одежда, покрытая водорослями, неприятно липла к телу. Вся группа побрела сушиться.

Больше о культурных мероприятиях мы не заикались.

г. Ленинград

— Написал? Теперь осталось только сделать навес...

— Порядок!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

МЕДЛЕННО ПОСПЕШАЯ...

Далеко Сибирь от Татарии, но и там кое-кому известна старинная татарская пословица «Дурной торопится, мудрец выжидает». Впрочем, может быть, председателю Уватского райисполкома, что в Тюменской области, тов. Ю. Аржиловскому ближе русская пословица «Тише едешь, дальше будешь»? Или латинская: «Спеши медленно»?

Жители поселка Екимовка который год обижаются, что у них нет телефона, а до ближайшего селения не менее двадцати километров. Ну вот, так разве председатель против телефона? Ничего подобного. Он долго и не спеша обсуждал, взвешивал, решал. И решил: надо людям дать телефон. И не только решил, но и кое-что сделал: дал указание заготовить столбы, чтобы по ним потом провода тянуть.

Екимовцам бы радоваться, что у них такая перспектива, а они заготовили столбы в 1966 году и сидят на них да боятся, что сгниют столбы от времени.

Так что, как видите, с одной стороны, вроде бы плохо, что у екимовцев до сих пор нет телефона, с другой стороны — хорошо: столбы проверку на прочность пройдут.

Да и председателю как-то спокойнее, пока нет телефона в Екимовке. А то установишь им телефоны, и начнут трезвонить, спрашивать, когда строительство дороги от поселка до автотракта начнется. А между тем тов. Аржиловский и здесь почти не медлил. Принял он решение о строительстве дороги в 1969 году. Строить только пока некогда, да и погода какая-то все неважная. Не с руки. Так что подождать немного надо екимовцам. Терпение закаляет характер.

Ст. НИКОНЕНКО

ВЫГОДНАЯ ОПЕРАЦИЯ

На Кемеровском анилино-красочном заводе предстоят юбилейные торжества. Исполняется десять лет с того памятного дня, когда на завод прибыл уникальный аппарат сублиматор.

Правда, сублиматор ни дня не работал. Зато сейчас в канун юбилея ему нашли на заводе выгодное применение: разрезали по полам и продали как лом «Вторчермету» аж за 295 рублей! Конечно, некоторая разница между покупной и продажной ценой то есть платили-то за него 120 тысяч 432 рубля.

Но главного инженера завода это не волнует.

Во-первых, сублиматор списан еще 10 августа 1970 года как морально устаревший.

Во-вторых, 295 рублей — тоже деньги. Их вполне хватит на скромные юбилейные торжества. Чего же еще надо...

Б. КОПИТ

Было, наверное, так...

Пузырек с розовой краской упал с самой верхней полки. Рабочий стол художника Челидзе превратился в розовое озеро.

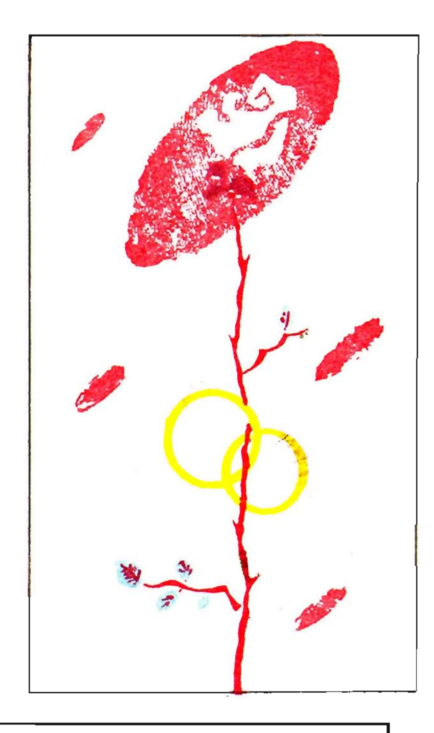
— М-да, происшествие,— заключил Челидзе, двумя пальцами извлекая из озера единственный уцелевший клочок белой бумаги. На клочке было всего лишь несколько аккуратных розовых клякс.

— М-да,— снова сказал Челидзе,— в этом что-то есть...

Он раздавил одну кляксу пальцем, побрызгал на клочок желтым и голубым и задумался.

Определить содержание этюда оказалось куда сложнее, чем создать его. «Поздравляю!» — начертал на этюде Челидзе и отнес его в Художественный фонд Грузинского Союза художников в Тбилиси.

Редактор повертел этюд, одолеваемый глубокими сомнениями. Однако, боясь прослыть консерватором, сказал: «Недурственно!» И оформил заказ № 1887. Но фамилию свою поставить не решился.

Этюд запустили в печать, и вскоре он разошелся по стране массовым тиражом.

Поступил он и в Харьковский книжный магазин № 7.

Покупатели не набросились на диковинные поздравительные бланки, но и нельзя было сказать, что они лежали нетронутыми на складе. В санитарные дни работники магазина то и дело трогали их, вытирая пыль.

Трудно было предвидеть, кто и когда начнет приобретать для поздравлений бланки художника Челидзе, но вскоре в магазин поступила одна хорошая книжка.

— Идея,— обрадовались работники магазина,— мы спасены!

И прицепили несамоходный этюд к книжке высокой проходимости. В качестве нагрузки.

Теперь книжка буксирует неликвид. Но не далее бумажных корзин у дверей. Там он преимущественно и оседает.

Н. РЫНДИЧ

Посуху, яко по морю

— Милая, твоя очередь сегодня плыть в магазин.

— А не знаешь ли, вода нынче холодная?

Подобные фразочки выдаются не где-нибудь в Венеции или Роттердаме, а в городе Богородицке, Тульской области, вовсе не славящемся своими каналами.

И плывут, ничего не поделаешь.

Остальное пояснит помещенная здесь фотография, изображающая уголок улицы Карла Маркса на подступах к продовольственному магазину.

Котловина, на которую Богородицкий горкомхоз наложил табу, заполнена сточной водой (и слезами граждан) три времени года из четырех.

Р. ГРИГОРЬЕВ

ЧАСОМАНИЯ

В голубой, далекой спаленке
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.

Тут же скажем честно, прямо и откровенно, что три строки процитированного четверостишия не имеют никакого отношения к делу. Во-первых, в горном корпусе Института горного дела имени Скочинского (Панки, Московской области) не имеется спаленок. Во-вторых, здесь не принято таскать с собой на службу детей. В-третьих, в штате института не имеется ни единого карлика.

Зато часов здесь хватает. В коридорах первого и второго этажей расположилось по шесть экземпляров висячих часов таких габаритов, что от них не отказалась бы и самая привередливая городская площадь.

Кабинеты могут не завидовать коридорам. В каждом или почти в каждом имеются свои казенные часы, и тоже далеко не замухрышки.

Как коридорные, так и кабинетные отличаются одной и той же особенностью: они не только висят, но и стоят (без малейшего вмешательства карликов). По свидетельству старожилов, за все годы с начала нашествия часов на институт они пробили только один раз... солидную брешь в институтском бюджете.

Р. БЕРКОВСКИЙ

— Наконец и нам автоматы с чистой водой поставили...

Рисунок Ю. ЕРОФЕЕВА

Сергачский сюрприз

Великолепный образец высококачественной продукции обнаружил наш читатель из Москвы, инженер-конструктор А. Л. Морозовский. Движимый чувством благодарности, он даже приложил к письму материальные ценности, вызвавшие его радость: 52 загнутые кнопки в коробке, на которой значится:

Управление местной промышленности
Сергачский промкомбинат
г. Сергач, Горьковской обл.
КНОПКА
для обоев и плакатов
арт. Г. О. 105-20 100 шт. 13 коп.

Несмотря на то, радуется наш читатель, что на этикетке ясно сказано: «Кнопка»,— под ней оказалось негодных не 99, как следовало ожидать, а только 52 кнопки.

Радость читателя можно понять. Ведь до сих пор было наоборот: покупаешь мебельный гарнитур, а кресла в нем оказываются без ножек, или шьешь в ателье пиджак, а получаешь жилет. А тут долгожданный поворот: обещают одну кнопку, а дают целых 48!

Сколь многого можно достигнуть даже в самом, казалось бы, незаметном деле!

Л. ЖЕСТКОВА

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Рисунок Г. ИОРША

— Ну что, Денис Григорьев? Опять, скажешь, для рыбалки?
— Не, для молотилки.

Реплика художникам

Дорогие товарищи А. Елисеев и М. Скобелев!

Нам очень понравился ваш рисунок на обложке № 14 «Крокодила», где кирпич выдается по штучке из сейфа. Теперь мы знаем, что нам делать с нашим кирпичом. Мы построим из него гигантский сейф и будем складывать туда всю продукцию. Может быть, тогда-то, согласно вашему рисунку, ее кто-нибудь будет брать, хотя бы по кирпичику.

Дело в том, что кирпич, который выпускает наш завод, как ни странно, никому не нужен. Огромные штабеля загромоздили весь заводской двор. Такая картина круглый год. При этом еще не всегда выполняется план. Страшно подумать, что бы произошло, если бы мы стали выпускать сверхплановую продукцию. Наверное, замуровали бы сами себя.

Так что спасибо за совет!

ШЕДОГУБОВА, АФАНАСЬЕВА
и другие обжигальщики Шонтуйского участка Кильдинского кирпичного завода Мурманской области (всего 10 подписей).

Реплика фельетонистам

Дорогая редакция!

Я живу в ФРГ. Уже тринадцать лет, как я подписываюсь на «Крокодил». Репортаж ваших корреспондентов А. Голуба, А. Ходанова и А. Шайхета в номере 22-м «По Скандинавии просто так» хорош и меток. Нам, немцам в ФРГ, не нужно ехать так далеко, ибо здесь, в Западной Германии, господствует тот же самый порнографический поток: сексуальные извращения, половая распущенность смакуются в кинофильмах, во многих журналах и газетах. О наркомании в школах, о длинноволосых хиппи и тунеядцах в этой связи не хочу даже упоминать.

Порнография — ваши корреспонденты совершенно правы — в первую очередь является вопросом бизнеса. Но кто выгадывает на этом деле?

Те газеты и журналы в ФРГ, которые преследуют цель распространения порнографии, сексуальных извращений и пропаганды «свободной любви», выходят под названиями «Sex-Report» (Секс-Репорт), «Sex-Palette» (Секс-Палитра), «St. Porno» (Св. Порно), «St. Pauli-Nachrichten» (Св. Паули-нахрихтен — St. Pauli, то есть район развлечения в г. Гамбурге). Вся эта «порно-пресса» печатается и выходит в фирме «Auerdruck GmbH» (общество с ограниченной ответственностью) в Гамбурге.

Но прогрессивные люди нашей страны не хотят, чтобы подрастающее поколение отравлялось порнографией; они с отвращением отворачиваются от махинаций этих так называемых «сексуальных революционеров».

С уважением

Карл ШЕФЕР

Констанц на Боденском озере, ФРГ.

Крокодил помог

«ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Действительно, история самая обыкновенная. Понравился супругам Мельник в магазине № 22 г. Жданова мебельный гарнитур. Они взяли да и купили его. И все, казалось бы, хорошо. Уплатили деньги, привезли домой. А как стали разбирать, ножек-то у кресел нет. Кинулись в магазин. Оказывается, не у них одних такая беда. Говорят, с фабрики не прислали, надо ждать.

Ну, стали они ждать, когда пришлют ножки с фабрики. Ходили в магазин почти полгода. Толку никакого. Тогда и появилась в журнале заметка «Обыкновенная история» («Крокодил» № 16).

Заместитель директора Черновицкой фабрики тов. Тульчинский сообщает, что по вине заведующего складом готовой продукции В. Вищука кресла были действительно отгружены без ножек. За халатное отношение к своим обязанностям В. Вищуку объявлен выговор.

«ЧАСЫ... НЕДЕЛИ... МЕСЯЦЫ...»

Ленинградцу А. Белову, чтобы вставить стекло, пришлось на телефонные разговоры и ходьбу в мастерскую фирмы «Невские зори» потратить более месяца. В заключение же ему выдали на руки стекло, но взяли деньги, как за выполненную работу.

А житель города Тюмени М. Алиев, решив сшить к Новому году костюм, заказал его, естественно, в ателье. В срок заказ выполнен не был. Не раз и не два пришлось Алиеву посещать ателье. Он неоднократно отпрашивался с работы. А сколько беготни и волнений! Костюм шили три раза, прежде чем он попал к заказчику.

После опубликования подборки «Часы... недели... месяцы...» (см. «Крокодил» № 9) генеральный директор фирмы «Невские зори» тов. П. Шпортько сообщил, что виновные в недобросовестной работе и волоките привлечены к ответственности. Деньги, полученные с А. Белова за фиктивную работу, возвращены.

В ателье № 9 также приняты меры. Директор тюменского производственного объединения «Тюменьодежда» тов. В. Андреев сообщил, что закройщица Р. Шемякова уволена.

В. КАНЕВСКИЙ

Без слов об электробритвах

Вольт СУСЛОВ

«А НАМ ВСЕ РАВНО!..»

Смеялся Выговор:
— Ого!
Я у хозяина —
двухсотый!
И хоть бы что! И ничего!
Работал плохо —
и работай!

Юрий БЛАГОВ

ВОПРОС И ОТВЕТ

— Зачем дают стихи
поэтов
В сопровожденьи
их портретов!
— Чтоб не болтали без
конца,
Что у поэтов нет лица.

Тайный секретарь

На собраниях и совещаниях, как известно, пишутся протоколы. Протокол — это картина собрания. Кто о чем сказал, кто на кого замахнулся, кто кого вознес до небес...

Геннадий Викторович Волков, директор зеленодольского Дворца культуры «Родина», никогда не терзался вопросом, кто будет протоколировать его очередную речь.

— За своего секретаря я ручаюсь головой! — говаривал он.— Таких секретарей только поискать! Даже кашель фиксирует!

Вызвал он однажды к себе в кабинет всех трех билетных кассирш. И неспроста вызвал. Геннадий Викторович слышал, что кассирши каждый вечер сходятся вместе и ведут о нем, о директоре то есть, разные беседы.

— Вы это мне бросьте, кумушки!

Кассирши были очень удивлены:

— Да полно, Геннадий Викторович! Откуда вы взяли?

Через некоторое время Геннадий Викторович опять пригласил кассирш.

— Поближе к столу, пожалуйста. Вот сюда, к настольной лампе.

Женщины подошли вплотную к столу.

— Так что же вы, кумушки, мой приказ не выполняете? Опять за старое взялись? Опять по углам шушукаетесь?

— Не шушукаемся...

— Я не такой дурак, как вы думаете! — вскипел директор.— Я все знаю! Так вот, еще раз предупреждаю: больше вместе не собираться!

Потом в том же кабинете состоялось производственное совещание, на которое, кроме кассирш, Геннадий Викторович пригласил заведующего массовым сектором и худрука (они же председатель месткома и зам. председателя).

Директор говорил о текущих делах, а особенно заострил внимание на высоких моральных качествах, которыми должны обладать работники Дворца культуры.

Но тут случилось непредвиденное: худрук и массовик заметили вдруг, что на абажуре укреплен микрофон, от которого шнур тянулся за ширму к радисту, где шуршал лентой магнитофон.

— Так вы и нас записываете?! — удивились массовик с худруком.— А как же насчет высоких моральных качеств?

В общем, разразился шум, эхо которого докатилось до Татоблсовпрофа. Оттуда прибыл представитель. Проверил все. Прослушал пленку. И даже директорское «Я не дурак!» услышал. Посмеялся, конечно.

В итоге на свет родилось постановление, в котором директору Волкову «за допущение тайной магнитофонной записи» был объявлен выговор.

— Почему? — пытался защититься директор.— Я ведь в целях повышения морали...

Однако тайного секретаря все же пришлось аннулировать.

В тех же целях...

В. МАНАСЫПОВ

г. Казань.

— Ну, заяц, погоди!

Рисунок М. УШАЦА

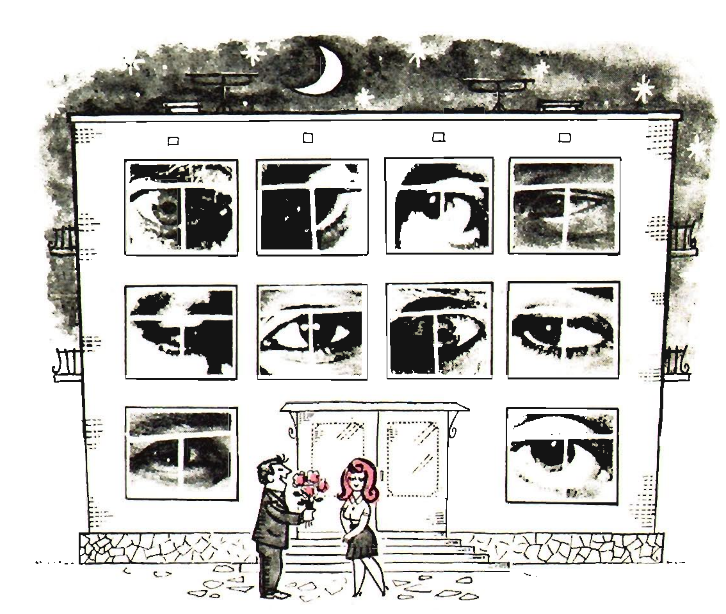
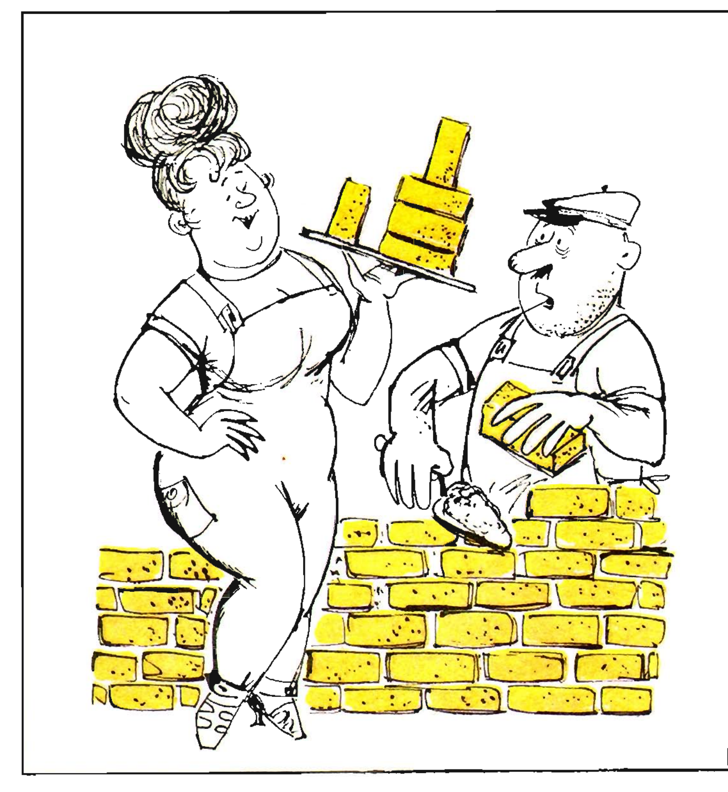

Рисунок Ю. МАКАРЕНКО

— Ты действительно раньше работала официанткой?

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

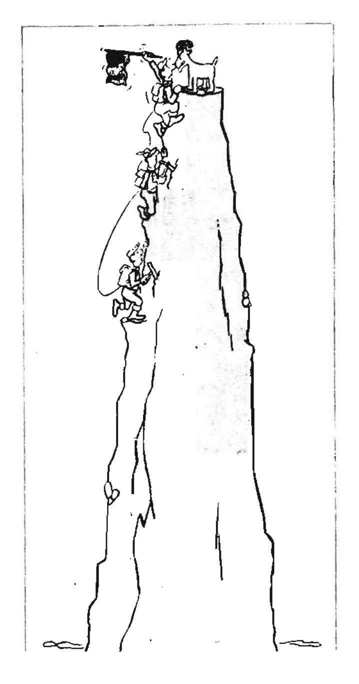
— Вы знаете, что мой племянник работает у вас?
— Конечно! Во время последнего международного футбольного матча он отпросился у меня на ваши похороны...

●

— Мама, почему невеста всегда в белом платье?
— Потому что белый цвет — это цвет радости.
— Теперь я понимаю, почему жених всегда в черном.

●

— Ну, этого преступника поймать было легко,— рассказывает полицейский инспектор в кругу семьи.— Он взломал сейф, вытащил оттуда деньги, выпил две бутылки виски, выкурил сигарету, но оставил отпечатки пальцев...
— На бутылке?
— На асфальте.

«Жерминаль», Бельгия

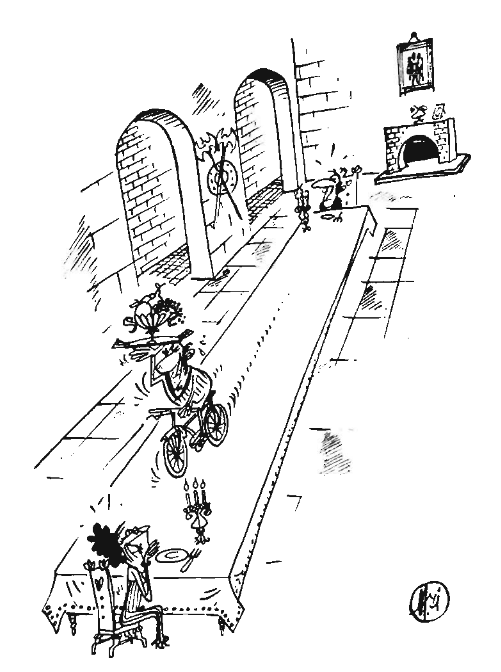

Рисунок А. АНДРОНИКА (Румыния)

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

●

Учительница, которая вела в младших классах уроки богословия, спрашивает:
— Это что за маленькое создание в коричневой шубке и с длинным пушистым хвостом прыгает с ветки на ветку и собирает желуди? У него живые маленькие глазки, и оно очень любит орешки.
Маленький Оскар поднял руку и ответил:
— С обычной точки зрения это должна быть белка, но поскольку об этом спрашиваете вы, то, стало быть, это Иисус Христос.

●

— Говорят, мистер Холден в юности был чистильщиком и только в зрелом возрасте стал банкиром.
— Совершенно верно. Правда, он очищал не обувь, а сейфы.

●

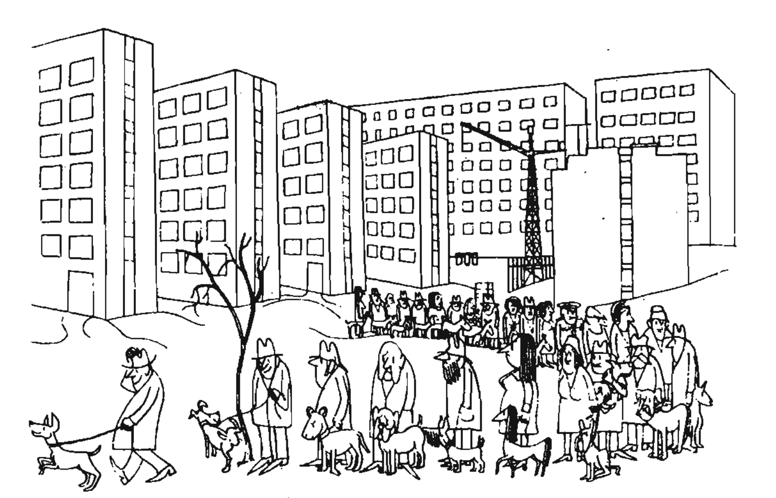
Служащий пришел на работу с большим опозданием и в оправдание объяснил шефу:
— Ночью у жены были тяжелые роды.
Через три недели тот же служащий снова опоздал на работу.
— А теперь вы почему опоздали? — строго спросил директор.
— Понимаете, у моей жены снова были ночью тяжелые роды.
— Как! Разве ваша жена крольчиха?
— Нет, акушерка.

Ласло ТАБИ
(Венгрия)

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ

— Ну-с, послушаем, как все это произошло.
— Итак, этот несчастный Эрне Гондафи...
— Ближе к теме, пожалуйста. Только факты!
— Понимаю! Я постараюсь совсем кр...
— Да говорите же вы, говорите! У меня есть всего пять минут.
— Я буду краток. Итак, этот несчастный Гондафи...
— Так мы никогда не кончим. Только факты! Что сделал, почему сделал, как сделал, когда сделал? Коротко!
— Если вы не будете меня перебе...
— Как же вас не перебивать, когда вы так размазываете да тянете? Говорите короткими, простыми фразами, иначе мы никогда не кончим. Пожалуйста!
— Хорошо. Итак, этот несчастный Гондафи...
— Это вы уже сказали. Прошу по существу.
— Но я как раз и хотел...
— К теме! Кратко. Лапидарно.
— Итак...
— Что вы заладили «итак» да «итак»? Давайте по существу!
— Хорошо. Этот несчастный Гон...
— Послушайте! Вы просили принять вас и хотели пожаловаться на Эрне Гондафи. А вы начинаете рассказывать не о том, что случилось, почему случилось, как случилось и когда случилось, а излагаете мне свое субъективное мнение о Гондафи. А когда я прошу вас держаться ближе к теме, снова и снова повторяете то же самое. Так мы никогда не кончим. У меня мало времени. Говорите по существу. Что было, почему было, как было и когда было.
— Пришел.
— Кто?
— Гондафи.
— Тогда почему вы этого не говорите?
— Я как раз...
— Ну давайте, давайте! Время идет. Прошу!
— Пришел Гондафи. Увидел. Подозвал. Заржал. Я удивился. Спросил. Ответил.
— Вы с ума сошли?
— Я стараюсь говорить кратко.
— Но ведь я так ни слова не пойму. Излагайте самое существенное, но кратко! Сколько раз вам повторять?
— При. Ув. За. Ид. Плю. И. По. Ко. Не. Ты. Вы. Мы. Ес. Ло. Ад. Ду. Кон.
— Все?
— Так точно.
— Ладно. Я проверю. До свидания.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Ойленшпигель», ГДР

Юнгве ХЕДЛУНГ
(Швеция)

Я считаю, что...

Ни одна беговая лошадь не может пролететь так быстро, как деньги, поставленные на нее.

* * *

Мужчина преследует женщину до тех пор, пока она его не поймает.

* * *

Небьющейся игрушкой называют такую, которой ребенок ломает другие.

* * *

Предусмотрительный муж вручает жене новогодний подарок 20 декабря: у нее еще будет время, чтобы обменять его.

КРОКОДИЛ
№ 27 (2001)

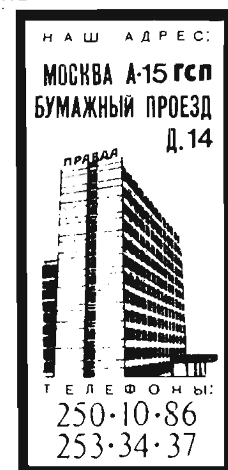
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Вайсборд, А. Грунин, Ю. Ерофеев, В. Жаринов, Ю. Макаренко, В. Сафонов, Н. Станиловский, И. Сычев, В. Тамаев, В. Тильман, Ю. Узбяков, М. Ушац, А. Чикарьков, Е. Шабельник, В. Щербаков.

НАШ АДРЕС:
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 8/IX 1971 г. А 00977. Подписано к печати 17/IX 1971 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 610 000). Изд. № 1976. Заказ № 1842.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ЗАКАТ

Рисунок Бориса ЛЕО